

ПРОЗА Парижской Жизни

Елена
Якубсфельд

Елена Якубсфельд

Проза Парижской Жизни

«Издательские решения»

Якубсфельд Е.

Проза Парижской Жизни / Е. Якубсфельд — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506185-0

В этой серии автобиографических рассказов, смешных, поэтичных и философских, Елена Якубсфельд открывает читателю свой неповторимый Париж: город и его обитателей, со всем их романтизмом, идиотизмом и меланхоличным волшебством.

ISBN 978-5-00-506185-0

© Якубсфельд Е.
© Издательские решения

Содержание

Гром и шёпот Елены Якубсфельд	6
Проза жизни во всей её поэзии	6
«Каждый пишет, как он дышит»	8
Больше чем мир	10
Новый взгляд на старый город	12
Влюблённая	14
Я – крепость	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Проза Парижской Жизни

Елена Якубсфельд

Моим детям

Редактор Людмила Шилина

Фотограф Стефан Кожо-Гольдберг

Иллюстратор Юлия Кривицкая

Дизайнер обложки Александра Зоря

© Елена Якубсфельд, 2019

© Стефан Кожо-Гольдберг, фотографии, 2019

© Юлия Кривицкая, иллюстрации, 2019

© Александра Зоря, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-6185-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гром и шёпот Елены Якубсфельд

*Перемена места – перемена счастья.
Шолом-Алейхем*

Проза жизни во всей её поэзии

Когда-то, когда книги «Проза парижской жизни» не было ещё и в помине, а был только блог с одноимённым названием, я сказала Лене: «Верю: ты станешь одной из ярчайших писательниц нашей эпохи». Я это ясно видела. Это было там. И это уже здесь. В её взгляде. В её прозе. В необыкновенной наблюдательности и пронизательности. В страстной, с надрывом, мелодии её души. В её голосе.

Этот голос, писательский голос, уже тогда звучал как раскат грома – в её фразах, ритмах и словосочетаниях, в оригинальной звуковязи, в головокружительных, как полёт Феникса, и точных, как горчица на языке, образах, в диккенсовских деталях, в самозабвенном и остром, как взмах папиры, юморе, в узнаваемых и в то же время таких по-особенному «якубсфельдских» героях.

«Муж ласкал взглядом меня: „Глянь, закуска из морских гребешков! Заячий паишет с эмульсией из лесного ореха!“ Я размышляла о своей дольке лимона в чае. К нам подошла Мартин, а с ней её мощные бедра, изогнутые брови и все сожранные и выброшенные на обочину мужчины, всё это подошло к нам» (Елена Якубсфельд, «Влюбленная»).

Кто еще в нашем писательском мире осмелится так дерзко и самозабвенно выбросить из описания всё, кроме двух гиперболических штрихов – «мощных бёдер» и «изогнутых бровей», которые, причудливо переплетаясь в одной фразе, рисуют кубическую женщину Пабло Пикассо или Тамары де Лемпицка, монументальности которой могли бы позавидовать и романтики вроде Эмили Бронте, и «бабели» XX века.

Проза Елены Якубсфельд звучит как колыбельная. Как молитва. Как заклинание. Как шёпот. Как гром среди ясного неба. Как мольба о том, чтобы быть услышанной и понятой. Это проза жизни как она есть, проза несвершённых революций и оставленных жёлтых кухонь, проза-обещание и проза-проклятие, это душераздирающая и в то же время такая простая история, прямо как «Поминальная молитва» Григория Горина.

«Я бы хотела сказать, что все эти годы я искала Жака. Но нет, я не искала. Я жила своей жизнью – я рожала, воспитывала, готовила ужины и обеды, вытирала носы и дула на разбитые колени, купала и проверяла домашние задания. Но я помнила, я помнила всегда. И время от времени, щурясь в полуночной темноте на невыносимо яркий экран, искала. В энциклопедии Холокоста, в архивах Яд Вашем. В архивах Парижа» (Елена Якубсфельд, «Жак»).

Это проза о том, что ты пишешь, потому что не можешь не писать. Ты рассказываешь миру о нём же, чтобы не взорваться от эмоций. Вот о чём «Проза парижской жизни». Она звучит, как ритуальная магия, в которой из повторяющихся движений и взмаха руки – женщины,

матери, жены, хозяйки дома – отчетливо проступают контуры колеса сансары, микрокосмос и вечный круговорот.

«Каждый пишет, как он дышит»

Каждый настоящий писатель звучит по-своему. Его ни с кем и ни с чем не перепутать. Но только у лучших есть такой мощный голос, что он сшибает с ног, пробирает до костей как озноб, кричит, даже если звучит как шепот. Об этом так метко спел народный любимец Булат Окуджава:

*«Каждый пишет, что он слышит,
Каждый слышит, как он дышит,
Как он дышит, так и пишет,
Не стараясь угодить...»*

В этой книге я слышу голос зарождающегося писателя, который «пишет как дышит», писателя, который вот-вот свершится, поверит в себя, созреет и упадёт в наши подставленные ладони, как сочный плод. Я слышу голос, который только и ждёт, чтобы вырваться на свободу, распахнув своим звуком этот мир, и самому распахнуться навстречу миру. Эта книга – ключ к свершению Елены как писателя.

«Я очень надеюсь: если кто-то из соседей сейчас выглянет в окно, они посмотрят на наше, а не на то, напротив, то, которое нужно оставить быть между ночью и луной, повисшее над городом окно двух безумцев, которые любят друг друга, готовят еду и не думают про занавески» (Елена Якубсфельд, «Придурки несчастные»).

Этот голос звучит как обещание лучшей доли, как вкрадчивое якубсфельдское «сейчас я вам всё расскажу, как это было на самом деле», как обещание счастья и того самого покоя, который может воплотиться только в женщине-матери, о котором писал великий французский писатель:

«Я оберегаю ту, что обрела себя во внутреннем дворике своего дома, ведь и кедр набирается сил, вырастая из семени, и расцветает, не переступив границ ствола. Не ту, что рада весне, берегу я, – ту, что послушна цветку, который и есть весна. Не ту, что любит любить, – ту, которая полюбила. Я перечёркиваю тающую в вечернем сумраке и начинаю творить её заново. Вместо ограды ставлю с ней рядом чайник, жаровню, блестящий поднос из меди, чтобы мало-помалу безликие вещи стали близкими, стали домом и радостью, в которой нет ничего нездешнего. Дом откроет для неё Бога. Заплачет ребёнок, прося грудь, шерсть попросится в руки, и угли очага потребуют: раздуй нас. Так её приручили, и она готова служить. Ведь я сберегаю аромат для вечности и леплю вокруг него сосуд. Я – каждодневность, благодаря которой округляется плод. И если я принуждаю женщину позабыть о себе, то только ради того, чтобы вернуть потом Господу не рассеянный ветром слабый вздох, но усердие, нежность и муки, принадлежащие ей одной...» (Антуан де Сент-Экзюпери, «Цитадель»).

Все эти рассказы и легкие, как крыло птицы, зарисовки были когда-то рассеяны по страницам блокнотов, блогов и соцсетей будто жемчужины, которые ждали своего часа, когда же их соберут и нанижут на нить сюжета, вплетут в повествование, превратят в книгу, в осязаемый предмет, который вы сейчас держите в руках. И они дождались.

«Наступает рассвет, за ним утро. Рассеивается туман, и воюющие страхи отступают, растворяются в лесах. И я снова, как древнеримская крепость – сильная, уверенная, непобедимая. И как древний Рим же – до того раза, когда меня победят» (Елена Якубсфельд «Я – крепость»).

Больше чем мир

Каждая история – это круги, которые расходятся по глади белого лист от брошенного в них камушка. Вот это – первый круг. «Мой дом – моя крепость». Семья, муж, дети. Воспоминания. Прошлое и будущее. Вот это второй – соседи, друзья... Вот это – третий – город и города, которые автор впитывает в себя, обустроивает их, наполняет собой, своими эмоциями и чувствами. И вот четвертый круг – история, движение времени, история Парижа, Франции, Украины, история народа в изгнании, рассеянного по странам, несущего на своих плечах, подобно Агасферу, бремя горестей и вечного поиска своего дома.

«Тот, кто переезжал в другую страну, знает: это только кажется, что ты распаковываешь одежду, книги, мебель, на самом деле ты распаковываешь себя: открываешь все эти внутренние ящики, баулы и коробки, где столько прекрасного и важного, где столько хлама и того, что нужно просто выбросить и забыть» (Елена Якубсфельд, «Влюбленная»).

Елена не только тонко, мощно, самобытно чувствует город и города, в которых живёт, пространство, которое занимает, но и способна это проговорить вслух, описать, передать на словах, рассказать удивлённому миру во всех подробностях, звуках, красках, движениях о том, каков он, этот мир, на самом деле. И даже больше – она может рассказать ему о том, каким ему стоит быть.

« – Вы хотите сказать, что этот мальчик, этот Жак, не Жакобсфельд?»

– Да, он не ваш.

Мой, беззвучно, одними губами отвечаю я. Они все мои. Все до единого».

Что такое проза, настоящая проза, как не магическое заклинание, способное сотворить новую реальность из небытия, организовать хаос окружающего мира в стройную мелодию истории, воплотиться в незначительных, бытовых предметах и сделать их вдруг символами, вехами целой эпохи. Настоящая проза, как и поэзия, не только парижской жизни, но и любой другой, вызывает в нас глубочайшие эмоции, трогает нашу душу, потрясает до глубины души. И мы верим в то, о чём читаем, мы ускользаем от нашего мира в выдуманный мир, вернее, в пересказанный писателем мир, где Римская империя, жёлтая кухня, парижский эпос, пасхальные блюда и единороги оживают в пределах одного пространства. И в этом пространстве повествования даже помятая дорогая сумка может вдруг стать «королевой в изгнании», мистическим предметом, который как оберег проводит женщину через её свадьбы и разводы, переезды, рождение детей, большие и маленькие радости, и вдруг оказывается, что это не просто сумка, а сама жизнь, в которую мы пытаемся включить столько всего, что она трещит по швам. И вдруг оказывается, что пирог – это больше чем пирог, на самом деле – это слои бытия, в которые проваливаются семьи и целые поколения, собравшиеся за одним столом и смотрящие друг другу в глаза. И сумка, и пирог, и единороги, и даже старое вино вдруг становятся любовью, квинтэссенцией любви, воплощающей себя в простых и понятных каждому вещах, у которых есть вкус, очертание и запах. Любовью, в которой высший смысл – это огонь домашнего очага, пламя, из которого мы все вышли со своими надеждами, радостями и страстями.

«Беззвучно я крадусь на кухню и становлюсь резать яблоки на харосет. За окном начинает светать. Я режу яблоки и стол к завтраку держу в уме. Накрываю к завтраку и стол к вечеру держу в уме. Бегаю в столовую со скатертями и салфетками и солёную воду держу в уме. Проснулись дети.

Я кручусь между столовой, кухней, детьми и всем, что я держу в уме» (Елена Якубсфельд, «Мамушка»).

И в этом овеществлённом, осязаемом, женском мире предмет становится живым, становится «вещью в себе», тем шариком, которого любили всем сердцем, а он улетел, прощанием с надеждами, выплаканными слезами, смирением, бесконечным смирением и приходящими вслед за ним мудростью и любопытством к жизни.

И вдруг, заразившись этими мудростью и любопытством, мы открываем для себя заново незнакомый нам, самобытный мир, как будто с того, что мы видим обычно, вдруг сдёрнули театральные занавесы и представили нам закулисы героев древнегреческой трагедии. Вот они сняли маски и открылись нам во всей своей простоте, величии, нежности и боли.

«Кто он? Кто сумел вскружить голову этой женщине, её традициям, воспоминаниям? Вскружить так, чтоб неожиданно стали единственно разумными эти неразумные в дождь туфли – какая разница, во что обуты твои ноги, если земля уходит из-под ног, если любовь бьет под колени?» (Елена Якубсфельд, «Влюбленная»).

И мы вдруг понимаем, что несмотря на явную автобиографичность рассказов, речь в книге вовсе не об Елене Якубсфельд, не о её детях, её муже и её ощущениях. Ведь все мы пишем не столько о себе, сколько пытаемся передать другим по проводам своей души что-то большее, чем мы сами. И Париж в этой книге – не Париж, а вся Земля. И женщина в этой книге – это не просто женщина, но архетип матери, сидящей у колыбели, чья всепрощающая, всепринимая любовь готова объять мир, чьё тепло согреет не только своих, но и всех-всех детей на свете. Спасёт и согреет и того ребёнка, жизнь которого сгорела в жерновах жестоких войн, затеянных взрослыми, и ребёнка, который плачет из-за улетевшего в небо шарика, потому что вдруг осознал цену, которую однажды придётся заплатить всем, кто бродит по изожженным тропам в поисках счастья и любви.

И эта Вечная Мать, с которой начинается и на которой замыкается всё, полюбит и оплатит всех убиенных и неоплаченных детей человеческих, как она оплакала еврейского мальчика Жака.

«Проза парижской жизни» – это, прежде всего, книга матери. Книга жизни. Книга неуловимо прекрасных моментов бытия. Книга памяти. Мне хочется верить, что она будет интересна всем, – и женщинам, и мужчинам, и тем, кто уже прошёл весь этот путь, и тем, кто ещё только встанет на него. Это книга не о горестях, но о счастье, которое вот-вот придёт, когда выплаканы все слёзы, накормлены гости и дети, спасены влюблённые и единороги, а улетающий в небо шарик вернётся к оплакивавшему его ребёнку, чтобы любить его безмятежно, любить вечно, любить благодарно в ответ.

Ольга де Бенуа, писатель

Новый взгляд на старый город

Для того, чтобы научиться хорошо писать, надо сначала научиться хорошо читать. Елена Якубсфельд – замечательная и восприимчивая читательница.

Когда пишешь в Париже, надо помнить, что все парижские тайны уже раскрыты Эженом Сю, что романтика вырезана на стенах подземного Парижа пером Виктора Гюго, а два Дюма, Мопассан, Золя и ещё огромная компания писателей прославили этот чудесный город на разные голоса. То есть все темы раскрыты, а попытки найти свою нишу и вплести свой голос в это многоголосье, казалось бы, обречены заранее.

Но не тут-то было. Елена, этот вечный ребёнок, который хохочет так заразительно, что невозможно не улыбнуться в ответ, просто не знает слово «нельзя» или «молчи, потому что всё уже сказано». И она говорит. И её поставленный голос певицы взлетает над Парижем, и капризная столица внимает ему благосклонно.

Свежий взгляд: так, наверное, говорят только приезжие, всякие там Хэмингуэи и прочие, у которых «праздник всегда с собой». А у Елены праздник – каждый день! И читатель сразу попадает под обаяние искренности:

«Тот, кто переезжал в другую страну, знает: это только кажется, что ты распаковываешь одежду, книги, мебель, на самом деле ты распаковываешь себя: открываешь все эти внутренние ящики, баулы и коробки, где столько прекрасного и важного, где столько хлама и того, что нужно просто выбросить и забыть...»

Да, открывая для себя новый город, новых знакомцев, Елена открывает себя. И что очень важно, не навязываясь. Красивый голос течёт тепло, с доверием к слушающему. И поневоле начинаешь вслушиваться.

«К нам подошла Мартин, а с ней её мощные бедра, изогнутые брови и все сожранные и выброшенные на обочину мужчины, всё это подошло к нам...»

Все образы в книге даны осязаемо-рельефно, афористично и иронично:

«С собой я говорю неправильно, потому что так я себя лучше понимаю...»

Книга написана по-русски, но тут есть маленький секрет: если бы она писалась, например, в Америке – да? – она цвела бы другой стилистикой. Здесь темы разные, а налёт «парижанковости» на всём! Это как неубиваемый запах кофе из бистро.

Итак, ещё один гимн любимому городу спет. Спет не слащаво:

«Было холодно, сыкотно, противно. Париж умеет быть противным так, как это умеет делать изумительная женщина...»

Париж!

Ты – женщина, вдруг ставшая мужчиной!
Но суть не скроешь под обманчивой личиной:
Так Эйфелева, будто древний фаллос,
Хоть ввысь взнеслась, но башнею осталась!

Ты скуп, Париж! Но сквозь твои резоны
Слышны Лютеции невинные шансоны!
Ты щедр на ласки, и твоя услада

Пьянить весь мир гипнозом аромата!

Кокотка ты, и гредишь об измене...

Но я влюблён в тебя, лежащую на Сене!

Вот об этой-то влюблённости и твердит каждой строчкой Елена Якубсфельд – истинная очаровательная парижанка, беспардонно, по-детски, занявшая свою нишу в настоящей литературе!

Пётр МИРОНОВ, актёр

Влюблённая

История эта произошло вскоре после нашего переезда в Париж. Тот, кто переезжал в другую страну, знает: это только кажется, что ты распаковываешь одежду, книги, мебель, на самом деле ты распаковываешь себя: открываешь все эти внутренние ящики, баулы и коробки, где столько прекрасного и важного, где столько хлама и того, что нужно просто выбросить и забыть. И ты берёшь и заново начинаешь всё это расставлять по местам. И в конце дня, когда ты бродишь по неустроенному дому, который, ты это знаешь, когда-нибудь будет опрятным и уютным, ты тоже – неустроенной дом, который тоже когда-нибудь будет в порядке

Итак, возвращаюсь к нашей истории. Произошла она в «Амадеусе», небольшом парижском кафе на авеню Моцарт, кафе, которое, в принципе, никак не отличается от других подобных парижских заведений с дубовыми панелями на стенах, меню, написанным мелом на чёрной доске, со стеклянной витриной с пирожными и барной стойкой напротив входа. Небольшая, вечно курящая терраса на улице – в общем, всё как в других парижских кафе.

У стойки, облокотившись на неё и уткнувшись взглядом в газету, стоял Лоран – средних лет, в неизменных кепи и шарфе зимой и летом, голубоглазое лицо обветрено на рыбалке – тихие рассветы, жаркие полдни, сэндвичи, завернутые в бумагу.

Между столиками фланировала Мартин, обладательница могучих бёдер и настолько высоко поднятых бровей, что сразу становится ясно: удивить эту женщину нельзя уже ничем. Мартин улыбчива по-своему, но есть в ней что-то настолько неприступное, что запрещает тебе просить у неё что-либо, по крайней мере, я почти ни разу не осмелилась попросить у нее лимона к чаю. Хотя, разумеется, она бы его принесла, принесла бы также, как принимает заказы – с видом благосклонного монарха, выслушивающего комплименты.

В тот день стояло холодное декабрьское утро. В конце декабря Париж праздничен, но в нём напрочь отсутствует та рождественская суэта, от которой так сладострастно вздрагивает Нью-Йорк. Праздники приходят и проходят, говорят себе парижане-прирождённые фаталисты, значит, они есть мода, говорят парижане-прирождённые философы, а ни один уважающий себя парижанин, или хотя бы считающий себя таковым, не будет гнаться за тем, что проходит.

Было холодно, слякотно, противно. Париж умеет быть противным так, как это умеет делать изумительная женщина, – он был невыносимым. Мы сидели за миниатюрным столиком, распахнув куртки и размотав шарфы.

Муж ласкал взглядом меню: «Глянь, закуска из морских гребешков! Заячий паштет с эмульсией из лесного ореха!» Я размышляла о своей дольке лимона в чае. К нам подошла Мартин, а с ней её мощные бедра, изогнутые брови и все сожранные и выброшенные на обочину мужчины, всё это подошло к нам.

Муж бросил последний взгляд с поволокой на меню, машинально провёл рукой по животу и вспомнил о том итальянском костюме, в который он мечтает не просто снова влезть, а проскользнуть рыбкой, и попросил чашечку кофе. Я тоже. Да ну его, этот лимон.

И в этот момент двери кафе распахнулись, и вошла она. Ей было лет за много. Аккуратно уложенные волосы венецианского блонда обрамляли некогда красивое лицо с безупречно нанесённым макияжем. Ухоженные руки с элегантно маникюром, изысканно повязанный шарфик, жемчуг в ушах и в любую другую погоду, но только не сегодня, благоразумные туфли на маленьком каблучке, такие, какие носит королева Елизавета.

Значит, живёт недалеко, значит, сегодня неблагоразумна.

Незнакомка широко улыбнулась Мартин, её бровям, её бедрам, её мужикам, вернее, она их даже не заметила, она просто пробормотала несколько слов, явно запыхавшаяся, явно счастливая, и Мартин указала ей на столик рядом с нами.

Осанка и походка этой женщины не оставляли никаких сомнений в том, кто она и откуда. Так ходить и держать голову учат сёстры-монахини в школе и бабушка, у которой все собираются по выходным в загородном доме, и которая не спускает с тебя строгих любящих глаз; так учат поколения комильфо, поколения старых французских буржуазных семей. У этой женщины был класс. И ещё у нее был такой взгляд, что стало ясно: когда время и увядание, эти две извечные напарницы, скрутили ей руки, она спокойно сказала: «Отпустите, я пойду с вами сама». И пошла с этой, так гордо поднятой головой.

Она села за столик, Мартин налила ей вина. Она играла пальцами с ножкой бокала и улыбалась, глядя в окно, за которым дул мокрый ветер, и прохожие, втянув головы в плечи, торопились по своим делам. Неожиданно она повернулась ко мне и сказала:

– Это было любимое вино моего мужа.

В нашем квартале женщины не заговаривают с незнакомками, а тем более не делятся такой личной информацией. Я смотрела на неё во все глаза. У меня не осталось сомнений: она была нарядна, неблагоприятна, счастлива, – она была влюблена.

Очевидно, она пришла на свидание. И заказала любимое вино мужа. Очевидно, покойного, иначе она бы не сказала «было любимое вино»...

Лоран медленно сложил газету и принялся смотреть в окно с таким видом, как будто он кого-то ждал, но без особой надежды.

Незнакомка опять повернулась ко мне.

– Какая погода сегодня! – и радостно хихикнула.

– Мерзкая, – согласилась я. Я хотела добавить, что даже в такую погоду Париж прекрасен, как ребёнок, расстроенный из-за игрушки, но вовремя сдержалась: парижанам нельзя говорить, как прекрасен их город, потому что тогда неизбежно наткнёшься на вопрос: «Ах, вы не из Парижа?», вопрос, в который будет вложена масса смысла и из которого будет сделано ещё больше выводов. А я не хотела выводов, я хотела только одного: увидеть его, того, кто вскружил голову этой женщине с жемчугом в ушах.

Мартин приблизилась с меню, но незнакомка замотала радостно головой.

– Нет, нет, я жду кого-то.

Я тоже, подумала я.

И так мы ждали: она, искрясь и играя, как бокал «Таттинжер» рано утром, – кстати, это прекрасное качество, которое не мешало бы позаимствовать у шампанского: быть полным счастья и праздника, невзирая на место, время и обстоятельства, – глядя в окно и смеясь про себя; я, потягивая кофе и поглядывая на дверь. Кто он? Кто сумел вскружить голову этой женщине, её традициям, воспоминаниям? Вскружить так, чтоб неожиданно стали единственно разумными эти неразумные в дождь туфли – какая разница, во что обуты твои ноги, если земля уходит из-под ног, если любовь бьёт под коленки?

Мы ждали долго. Наконец, дверь открылась и тяжёлая портьера, защищающая зал от наружного ветра, вздыбилась, сникла и снова поднялась волною, откинулась, и в кафе вошла девушка, каких в Париже, да и во всем мире очень много: молодая и стройная, в чёрных куртке и джинсах, в шарфе размером с покрывало на кровать, какие были у наших бабушек. Волосы, пахнущие холодным городом, и штрих помады на губах. И уже ставшая знакомой улыбка при виде моей незнакомки.

– Мама!

А Мама в ответ заискрилась и засмеялась, как будто она сама была девушкой.

Мы расплатились и вышли. Мама – так французские дети называют своих бабушек.

На улице дул пронзительный ветер. От белёсого, как саван, неба веяло сыростью и пустотой. До весны и тепла была ещё целая зима. Было холодно. Холодно, сыро, противно и изумительно.

Я – крепость

– Мамочка, а почему ты это любишь?

Ужин. Мой сын – карамельные лохмы волос над сверкающим краем стакана, из которого он пьёт жадно, большими глотками, – устал после тренировки.

– Люблю что?

– Историю. Ну Древний Рим и Британию там всякие...

Стол накрыт белой в розовых цветах скатертью, из лампы над столом льётся жёлтый свет, обрамлённый чёрными проёмами окон, выходящих в ночь, где качаются высокие сосны на холодном ветру. Мой отец улыбается моей дочери. Та помпезно открывает каждую из открыток, подаренных ему накануне на его день рождения и «читает»: «Моя любимая бабушка! С днём рождения. Подарок».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.